

Холмомерская правда - 1991 - 23 мая

Лучший в мире Шерлок Холмс

переселился
с
Бейкер-стрит
на
Лубянку

Несколько лет назад Ливанов заявил: «Во мне живут по крайней мере четырнадцать Ливановых, и я не знаю, как справиться с ними. Каждое утро я пытаюсь обуздать эту непослушную ораву, этих сумасшедших Ливановых, которые тянут меня в разные стороны»...

Он никогда не бывает статичен. Но всегда остается Ливановым, и это имя всегда звучит. Прозвучало впервые в кино, в шестидесятых, глупо и непривычно. Роль было много, от многих же сам отказался: не его.

Когда почувствовал, что может превратиться в «третьесортный типаж», поступил на Высшие режиссерские курсы. Должен был снимать игровое кино, а ушел в мультипликацию. Все его мультфильмы популярны. Самый известный — «Временские музыканты».

Он успел «сделать» себе еще одно имя, находясь «за кадром», озвучивая мультипликационных героев. Помните Крокодила Гену из «космополитической сказки»? Или

того же Карлсона? Везде Ливанов, и везде не похожий один на другого.

Он сочиняет и ставит, пишет книги. Появляется опять в кино, да еще в таком образе, который долго не вытравится из нашего сознания: Шерлок Холмс.

С началом «новых времен» снова нарушил привычные правила. Ныне Ливанов — художественный руководитель театра «Детектив», из-за которого Василий Борисович вот уже три года воюет с некоторыми деятелями из МВД.

— Василий Борисович, как вы относитесь к тому, что повторили вместе с Виталием Соломиным феномен Коан Дойла?

— В профессии актера слушается время от времени огромное счастье. Можно сыграть кого-то, сыграть хорошо, профессионально. А можно, если хотите, «родить» человека. Это удача.

Коан Дойл в свое время тоже «родил» Холмса и Ватсона. Весь мир вот уже сто с лишним лет воспринимает их, как живых людей. Им до

сих пор пишут письма. То, что удалось нам с Соломиным, — это соавторство с Коан Дойлом...

— Говорят, на избалованном многими Холмсами Западе вашу игру оценили очень высоко?

— В восемьдесят третьем году в английской газете «Дейли мейл» была опубликована большая статья, где наш с Соломиным дуэт признавался лучшим дуэтом континента всех времен. Нам говорили, что наша работа оказалась ближе к авторскому замыслу, чем все остальные.

— Почему такой парадокс?

— Не знаю. Бывает, случается. Холмс ведь уже вне-национальная фигура, и его «англичанство» сделалось нарицательным. Парадокс все же в том, что люди до сих пор верят: Холмс и Ватсон живут среди нас.

— Как вы воспринимаете массу анекдотов, появившихся после сериала?

— Анекдоты всегда признак популярности, ее следствие и издержки. Актер должен быть популярным.

— А вы знаете какие-нибудь анекдоты о Холмсе?

— Много.

— Тогда какой любимый?

— Это старый анекдот, но он мне нравится. Утром Холмс и Ватсон встречаются за завтраком, и Холмс спрашивает Ватсона: «Дорогой друг, почему вы надели теплые белье, ведь сегодня ужасная жара?» Ватсон неимоверно удивлен: «Но, Холмс, как вы догадались?» Холмс отвечает: «Очень просто, дорогой друг. Вы забыли надеть штаны».

— Говорят, вам хорошо удаются шаржи?

— Я рисовал и иногда возвращаюсь к этому. Просто сейчас у меня нет времени ни на что, кроме театра.

В свое время я закончил Московскую среднюю художественную школу. Профессиональным художником, как видите, не стал, хотя владею карандашом и кистью. Это очень помогает мне в актерской и режиссерской работе. Я всегда рисую свой персонаж, когда собираюсь кого-нибудь играть.

— Однажды, после успеха «Приключений Шерлока Холмса и доктора Ватсона», вы сказали, что хотели бы сыграть в фильме по собственному сценарию вместе с Виталием Соломиным. Еще возможно увидеть когда-нибудь такой фильм?

— Я надеюсь. По крайней мере мысль эту не оставляю.

— Как не оставляете дружбы с Соломиным?

— Конечно. И очень дорожу этой дружбой. Она у нас выливается не просто в человеческое общение, но и в общение творческое. Мы вместе с Виталием создавали театр «Детектив». Соломин поставил у нас очень хороший спектакль «Западня для одинокого мужчины» по Роберу Тома.

— Ваш театр? Не окажется ли он на улице?

— Как ни странно, это вполне могло бы случиться. В МВД слишком много сил, которые не хотят ничего менять. Самое радикальное в их деятельности — это смена вывесок. Есть, конечно, и «живые» души. Без преувеличения, один из создателей театра — бывший министр внутренних дел Власов. Вакагин тоже нам помогал. Мы дела-

ем с милицией общее дело, в этом я уверен.

— Но гонения на ваш театр достигли апогея при новом министре...

— Все дело в том, что вопросами культуры в МВД занимаются совершенно посторонние люди — хозяйственное управление. В ведении этого ведомства и клуб МВД, чье помещение занимает наш театр. Мы для этих людей — враги культуры: особой, милицеейской культуры. Министр Пуго был просто дезинформирован ими.

Кстати, сейчас ситуация обретает, кажется, достойный вид. Наш театр, вместе с МВД и Московской ассоциацией писателей-криминалистов, занялся созданием культурного центра МВД СССР. В этом деле Борис Карлович Пуго — наш союзник.

— Интересный поворот дела...

— Знаете, еще Пифагор говорил о том, что одна из бед человечества — отсутствие дисциплины при демократии. Чтобы бороться с хаосом, нужны законы. Чтобы создавать эти законы, нужно иметь, как минимум, правовую культуру.

— Клуб МВД находится на Лубянке. Странное место для театра...

— Именно здесь ему и место. Мы ведь особый театр — театр-детектив. Мы утверждаем торжество закона. Классический детектив построен на торжестве закона, на неотвратимости наказания зла.

— Кроме Соломина, кто ваши друзья?

— Геннадий Гладков, он известный композитор, и критик Дмитрий Урнов. Наша дружба продолжается всю жизнь, со времен школы, и

закончится, когда мы перейдем в лучший мир.

— А профессиональных сыщиков нет среди ваших друзей?

— Друзей нет, но знакомых много.

— Василий Борисович, чего нам, при всех наших дефицитах, не хватает больше всего?

— Веры в Бога. Душа наша не умирает, и это наполняет жизнь особым смыслом. Если ты думаешь, что умрешь, тебя зарюют и на этом все кончится, тогда, конечно, можно творить черт-те что. Безбожие во многом порождает и преступность.

— А вы всегда верили?

— А верил я всегда, потому что всю жизнь занимаюсь искусством. Люди, занимающиеся искусством, знают, что, помимо их дарования, существует благая сила, помогающая им или препятствующая, если они отступают от каких-то нравственных правил.

— А нынешнее повальное увлечение церковью — не фарисейство ли?

— Не думаю. Мы прошли через такие страдания, что наше возвращение в лоно веры абсолютно объяснимо духовной потребностью. Только радоваться этому можно.

— У вас есть любимые писатели?

— Очень люблю русскую философию: Соловьева, Бердяева, Федорова, Ильина. Мы очень долго были лишены национальной философии...

— Наше очищение сознания и так называемое возвращение может привести к какому-нибудь благому результату?

— Я в это верю. У нас прервалась связь времен: историческая, национальная, философская. Мучительно, с большими издержками связь эта восстанавливается сейчас. Если она не восстановится, мы, русские, обречены. Утрачена национальная сознания — гибель.

— А присущие крайности?

— Какие могут быть крайности, если представители очень многих национальностей могут говорить о своем достоинстве, особенностях, традициях, не очень-то опасаясь обвинений в национализме, шовинизме, а русские — нет. Тем более, что речь идет не о шовинизме, а о национальном достоинстве.

— Василий Борисович, а вы никогда не испытывали сложностей из-за того, что не состоите в партии?

— Нет. Хотя я понимаю, что мог бы эти сложности испытывать. До объявления о перестройке мне, конечно, никто не разрешал бы создать театр.

Когда я закончил Высшие курсы режиссеров кино, то вообще ушел на улицу и был предоставлен сам себе. И двадцать шесть лет находился в таком положении. Жил на свой страх и риск, сам себе директор и начальник. Был вольным человеком, работал по контрактам на киностудиях, в издательствах. Такое положение требовало определенной самоорганизации, оно меня устраивало.

— Вы когда-нибудь боялись остаться без куска хлеба?

— Случались периоды, когда у меня просто не было ни копейки. Но деньги можно занять у друзей.